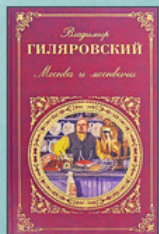

Владимир Гиляровский

Бурлаки

Часть сборника
Москва и москвичи (сборник)

Владимир Алексеевич Гиляровский
Бурлаки
Серия «Люди театра»

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=172965
Москва и москвичи: Эксмо; М.; 2008
ISBN 978-5-699-11515-0

Аннотация

«Рассветало, когда мы с Андреевым-Бурлаком вышли от А. А. Бренко. Народу на улицах было много. Несли освященные куличи и пасхи. По Тверской шел народ из Кремля. Ни одного извозчика, ни одного экипажа: шли и по тротуарам и посреди улиц. Квартира Бурлака находилась при театре в нижнем этаже, вход в нее был со двора...»

Владимир Гиляровский

Бурлаки

Рассветало, когда мы с Андреевым-Бурлаком вышли от А. А. Бренко. Народу на улицах было много. Несли освященные куличи и пасхи. По Тверской шел народ из Кремля. Ни одного извозчика, ни одного экипажа: шли и по тротуарам и посреди улиц. Квартира Бурлака находилась при театре в нижнем этаже, вход в нее был со двора.

Три хорошо обставленные комнаты, кабинет с кроватью, письменным столом и книжным шкафом, столовая с кожаной мебелью, большая комната с буфетом и двумя турецкими диванами и обширная прихожая, где за загородкой помещался его слуга Федор, старик, бывший камердинер его дяди.

Федор уже позаботился накрыть на стол: кулич и баба из булочной Филиппова, пасха, блюдо крашеных яиц и разные закуски. Федор не спал, он вернулся от заутрени и поддерживал огонь в кипящем самоваре. Расцеловались со стариком.

– Вот, Федя, мой друг Владимир Алексеевич, будет жить у нас. Нравится? Ну, вот завтра и переезжай!

– Да я уж переехал. А чемодан завтра принесу!

Мы пили чай, второй раз разговелись, чтобы поддержать компанию старику, изображавшему хозяина дома. На другой день я принес свой чемодан из соседних номеров Голяшки-

на, излюбленных актерами. Федор вынул черную пару и белую полотняную и повесил в гардероб.

Увидел как-то Бурлак мои белые штаны.

– Пожалуй, они мне впору будут. Дай-ка померяю... Хорошо, что увидел, а то бы никогда не собрался... Федя, давай мерить.

Оказались впору.

– Широковаты немного, да это еще лучше!

Бурлак вышел в свой кабинет, я разговаривал с Федей, который брился у окна в своей комнате. Он брился ежедневно, чисто, оставляя только маленькие бачки, разрезанные пополам белым полумесяцем, что очень шло к его строгому, еще свежему лицу с большим лбом, с напolzшим мысом густых, коротко остриженных седых волос. Сухой, стройный, он красиво дoнашивал старые костюмы Бурлака, как будто они были на него сшиты.

– Матушка, пожалей о своем бедном дитятке! – вдруг раздался вопль сзади меня.

Я вскочил и ошалел. В двери кабинета стоял весь в белом человек, подняв руки кверху. Из-за его ладони мне не видно было лица.

– Ну вот, Володя... Сейчас поедем к Конарскому сниматься. Давно собирался, да все штанов не было!

Мы поехали в Газетный переулок, к фотографу Конарскому. Там Бурлак переоделся, загримировался и снялся в десяти позах в «Записках сумасшедшего». Жутко было смотреть.

Бурлак подарил мне с разными надписями эту коллекцию кабинетных портретов, которые пропали во время моей бродяжной жизни.

Помню одну карточку, на обороте ее было написано:

«Спасибо за твои штаны, получи их изображение, а штанов не отдам — в них всегда читать буду».

* * *

Зажили мы у Бурлака втроем по-хорошему, впрочем ненадолго. Как-то мы пришли от А. А. Бренко рано и стали раздеваться. Вдруг звонок. Федя с кем-то говорит, спорит, и в столовую вваливается седой бородатый мужчина в поддевке и широкополой шляпе,

— Вася, что же это меня не пускают.

— Александр Иванович! Раздевайся, умывайся и входи. А ты, Федя, закусить накрой... да самоварчик... Это мой старый приятель... Александр Иванович Якушкин. Брат того народника, Павла Якушкина, которого Некрасов упоминает в своей поэме «Кому на Руси жить хорошо»... Помнишь:

Павлуша Веретенников
С гармоникой в руке...

Этот тоже народник, точь-в-точь брат. Я с ним познакомился в Туле, года три назад, когда его вернули из Сибири.

Живет в имении у родственницы, под Тулой, близ Черни. Я был у него там в гостях... Помню только имя этой старой дамы – Елизавета Мардарьевна.

Все это Василий Николаевич рассказал мне, пока гость сопел, фыркал и плескался, умываясь в прихожей.

* * *

Часа два просидели и проболтали. Оказалось, что Бурлак его вызвал письмом. Он рассказал о нем А. А. Бренко, а та предложила выписать старика: дадим ему место контролера.

В Сибири в ссылке Якушкин пробыл шестнадцать лет, а потом старика вернули в свою губернию, без права въезда в столицы. Это смущало его.

– В Москве-то меня не схапаят?

– Ничего. Это уладим. Только, конечно, оденем тебя по-европейски.

Как-то Бурлак рассказал случай, за который в молодости был выслан из Москвы Павел Якушкин. Попал Якушкин с кем-то из московских друзей на оперу «Жизнь за царя» в Большой театр. Билеты у них были в первом ряду. Якушкин был в козовых сапогах, в красной рубаше и щегольской синей поддевке.

Публика первых рядов косилась на него, но он сидел рядом со своим другом, весьма уважаемым известным профессором. Все бы шло хорошо, но в антракте они ходили в бу-

фет и прикладывались. Наконец, запели на сцене:

После битвы молодецкой

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.